

И С Т О Р И Я

УДК 9(47+57)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XII в. В РАБОТАХ ИСТОРИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

© 2008 г.

А.А. Кузнецов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vestnik@unn.ru

Поступила в редакцию 12.06.2008

Статья посвящена критике историографических стереотипов в понимании политических институтов и процессов в Северо-Восточной Руси XII в. в работах петербургских историков, принадлежащих к «школе И.Я. Фроянова». В статье разбираются аргументы «школы И.Я. Фроянова» и ее оппонентов. Доказывается, что реально в Северо-Восточной Руси в указанное время доминировала княжеская власть, а роль городских общин возрастала ненадолго лишь во времена борьбы князей за власть.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, политический строй, княжеская власть, городская община.

В статье проведен критический разбор взглядов И.Я. Фроянова, А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева на политическую историю городов Верхнего Поволжья XII в. История городов Северо-Восточной Руси рассматривается этими учеными в русле истории «городов-государств». Для методик И.Я. Фроянова, А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева общим в реконструкции социально-политического прошлого Северо-Восточной Руси является разбор «переломных» моментов в истории региона: битва на Ждане-горе в 1134–1135 гг., появление Андрея Боголюбского в Залесской земле, избрание его на княжение в 1157 г., события после его убийства в 1174 г., «собор» в 1211 г., борьба детей Всеволода Большое Гнездо до 1216 г. В эти моменты в условиях княжеской борьбы фактор участия других политических сил (боярства, городских общин) неизмеримо возрастал. Выводы, полученные при изучении этих событий, неправомерно, на наш взгляд, распространяются на другие события и социально-политические процессы в Залесской Руси. Это подтверждается критическим анализом взглядов И.Я. Фроянова и его последователей на «переломные» события периода 1130–1157 гг.

Резюме И.Я. Фроянова, А.Ю. Дворниченко о битве на Ждане-горе таково: «...Ростовцы и Суздальцы выступают сами без князя. Это свидетельствует об огромной силе и самостоятельности Ростовской военной организации» [1].

И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко решают вопрос о роли князя Юрия Долгорукого в истории Ростово-Суздальской земли 1130-х гг.: «...бескняжье не было типичным для древнерусского волостного быта. Созревшей Ростовской «области» нужен был свой князь. Таким князем становится сын Владимира Мономаха – Юрий Владимирович» [2]. И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко утверждают: «...и смена центров области, и «окняжение» Суздаля, и «аккумуляция» в нем феодальной знати, и господство ее над территорией земли – все это постулируется, а не доказывается. Ближе к истине был А.Н. Насонов, который не сомневался, что Ростов оставался главой области... хотя упоминание летописцем Суздальской земли при сохраняющемся еще господстве Ростова достаточно симптоматично... И причины здесь... – консолидация местного общества на базе территориальных отношений, пришедших на смену родовым связям» [3]. Но А.Н. Насонов выводил первенство Ростова из данных «Поучения» Владимира Мономаха, из того, что в Ипатьевской летописи под 1151 г. Ростов назван великим, и из того, что «...из событий 70-х годов XII в. следует, что во Владимире всю «область» считали «Ростовской», а князя, княжившего во Владимире, называли «великим князем всея Ростовския земли» [4].

Первый аргумент не подходит, т.к. связан с концом XI в. (далее А.Н. Насонов рассуждает о причинах повышения внимания Владимира

Мономаха к Ростовской земле, а оно пришлось на самое начало XII в.) [5]. Второй и третий аргументы могут объясняться этикетными формулами летописания. К тому же А.Н. Насонов не отрицал «аккумуляции феодальной знати» и вокруг Суздаля в XI–XII вв.: «Вместе с тем в XI–XII вв. подымается значение Суздаля. В Новгороде именем Суздаля называли всю Ростовскую волость. В первой половине XII в. и ранее в Киеве также называли нередко «Суздалем» всю Ростовскую «область». Это значение Суздаля было связано, очевидно, с ростом суздальского боярства, значение которого особенно ярко обнаруживается впоследствии в событиях, разыгравшихся после смерти Андрея» [6].

Несмотря на то что И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко критиковали выводы В.А. Кучкина по политическому строю городов Северо-Восточной Руси в первой половине XII в., именно мысль последнего («Юрий Долгорукий стал суверенным князем. Он – первый самостоятельный князь Ростово-Суздальской «волости»¹ [7, 8]) стала исходным пунктом в их аргументации. Они считают, что Юрий Долгорукий, опираясь на Ростовскую волость, боролся за Киев, что главной причиной этой борьбы была конфронтация городов-государств Руси. В.А. Кучкин же считает политическую волю князей в деле очерчивания границ княжеств одной из причин усобиц в начальный период раздробленности, за что критиковался И.Я. Фрояновым, А.Ю. Дворниченко: «...возникновение границ есть отражение внутренних социально-экономических и социально-политических сдвигов, происходящих в той или иной волости» [9]. На это можно возразить, что князья определяли границы, выражая интересы общества земли, где они правили. Поэтому подача борьбы Юрия Долгорукого за Киев как конфликта городов Северо-Восточной Руси с другими городами-государствами Руси не убеждает, как не убеждает следующий вывод И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко: «В ходе этой борьбы крепили силы городских общин Северо-Восточной Руси» [10]. На самом деле он является исходной посылкой и целью их рассуждений.

Аргументом И.Я. Фроянова, А.Ю. Дворниченко является интерпретация эпизодов биографии Андрея Боголюбского. И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко, ссылаясь на сообщение Лаврентьевской летописи об уходе Андрея Боголюбского во Владимир в 1151 г.² [11], считают, что «...во Владимире возникло княжение – факт, подтверждающий достаточно высокую степень организации владимирской общины» [12]. В другом труде И.Я. Фроянов, отдавая

«предпочтение ранним летописным известиям», указал, что Андрей прибыл княжить не во Владимир, а в Суздаль [13]. В этой работе в числе привлеченных И.Я. Фрояновым летописных памятников также есть Лаврентьевская летопись, но со ссылкой на сведения 1155 г.³ Так И.Я. Фроянов опроверг свой ранний тезис о том, что князь Андрей пришел из Киева во Владимир, а не в Суздаль. Этим опровержением обесцениваются выводы о качественном росте владимирской общины во времена Юрия Долгорукого.

И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеев не указали, что князь Андрей дважды уходил от отца в Залесскую землю: в 1151 г. и в 1155 г. [14]. И.Я. Фроянов, Ю.В. Дворниченко не заметили тезис В.А. Кучкина, согласно которому князь Андрей в 1151 г. получил Владимир не случайно, т.к. «...Юрий Долгорукий при распределении волостей на Северо-Востоке руководствовался политическими соображениями...» [15]. Причина такого игнорирования заключалась, видимо, в том, что убедительная интерпретация В.А. Кучкиным летописного сведения ставит политическую волю князя выше самостоятельности городской общины Северо-Восточной Руси. Противоположно, опираясь на факты *только одного* ухода Андрея в Залесскую землю при жизни отца и вокняжения после его смерти в 1157 г., И.Я. Фроянов и его последователи рассуждают о всевластии городских общин в Залесской Руси. Ю.В. Кривошеев толкует фразу из труда Н.М. Карамзина («...его же лестию подъяша Кучковичи»), что князя Андрея к уходу из Киева подтолкнули именно представители «...городских общин» Ростова и Суздаля⁴ [16], а не боярство Ростова и Суздаля.

И.Я. Фроянов также не воспринимает эту источниковую фразу как прямое указание на то, что Андрея Боголюбского посадило на престол боярство Ростова и Суздаля [17]. И.Я. Фроянов это сведение соотнес со статьей «А се князи Русьстии» из Комиссионного списка младшего извода Новгородской первой летописи и охарактеризовал его как поздний летописный источник [18]. Но текст из Комиссионного списка «написан полууставом первой половины или середины XV в.» [19]. Относить его к поздним летописным источникам нельзя. В тексте нет и оснований, чтобы видеть в Кучковичах выразителей интересов общин Ростова и Суздаля.

И.Я. Фроянов «омолодил» источники для доказательства (со ссылкой на сведения Лаврентьевской, Ипатьевской, Тверской летописей и Летописца Переяславля-Суздальского), что

князь Андрей из Вышгорода ушел в Суздаль. В.А. Кучкин же доказывает со ссылкой на Ипатьевскую летопись, что Андрей Боголюбский в 1155 г. устремился «именно во Владимир» [20]. Развивая выводы В.А. Кучкина, М.Б. Свердлов не оставил места суверенитету городов в Северо-Восточной Руси до 1155 г. [21].

И.Я. Фроянов, решая вопрос о конечном пункте маршрута Андрея Боголюбского в 1155 г. – «из Вышгорода в Суздаль» или «из Киева в град Владимир», – со ссылкой на А.Н. Насонова [22] настаивает на первом, т.к. «древние летописи» (Лаврентьевская летопись, Тверской сборник) указывают на этот путь: «Во-первых, поздние летописцы, отправляя Андрея из Киева и тем самым совершая ошибку, подрывают доверие к себе. Во-вторых, Андрей, если лелеял мысль о княжении в Ростово-Суздальской земле, должен был... ехать в один из старших городов – Ростов или Суздаль, а не в пригород Владимир» [23]. Но в Тверском сборнике сообщается, что Андрей Юрьевич выехал из Киева [24]. В Лаврентьевской летописи не указано место начала движения [25]. Во втором аргументе И.Я. Фроянов исходит из того, что Андрей Боголюбский устремился на Северо-Восток, чтобы стать там полноправным властителем. Здесь происходит ретроспективное опрокидывание выводов по изучению эволюции власти владимирского князя в княжестве и на Руси в период 1157–1174 гг. Эта тенденция прочно укоренилась в историографии и являет пример усвоения ею идей русской средневековой книжности⁵ [26]. В источниках, повествующих об отъезде князя Андрея из Южной Руси в Залесскую землю и его правлении там до 1157 г., нет свидетельств, что он «лелеял мысль о княжении в Ростово-Суздальской земле». Рассуждения о том, что князь Андрей поехал во Владимир, чтобы выждать момент для захвата власти, приведены для объяснения сведения Ипатьевской летописи (икону Богородицы, привезенную с юга Руси, Андрей Боголюбский поставил в церкви во Владимире [27]), для объяснения изгнания лишь в 1161 г. Андреем братьев Михалка и Всеволода [28], получившим, как показал В.А. Кучкин, от Юрия Долгорукого Суздаль и Ростов в 1155–1157 гг. [29].

И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеев считают, что участием в выборах князя в 1157 г. ростовцы, суздальцы и владимирцы проявили самостоятельность и показали зависимость князей от своей воли [30]. Исследователи настаивают, что в избрании князя, кроме ростовцев и суздальцев, участвовали

владимирцы (данные Ипатьевской летописи [31]). Еще раньше В.А. Кучкин этот круг выборщиков расширил за счет переяславцев [32]. Этому возразил М.Б. Свердлов, апеллируя к труду А.Н. Насонова [33]: «Но при этом возникало противоречие между этой летописной записью и реальным содержанием событий, поскольку Владимир являлся отчинным княжением Андрея и он уже «сидел» там с 1155 г. Поэтому ни «избирать» его, ни «сажать» его там на княжеский стол не надо было» [34].

Отрицание участия владимирцев в выборах Андрея Боголюбского ставит под сомнение выводы И.Я. Фроянова: «...под ростовцами, суздальцами и владимирцами надо понимать... массу горожан, включавшую и знатных и простых людей... Следовательно, массы городского и, возможно сельского населения Ростово-Суздальской земли собрались на вече и избрали князем Андрея Юрьевича» [35]; «Летописец... повествует о вечевом сходе населения двух старейших городов Ростово-Суздальской волости, избравшем на княжение Андрея Боголюбского. Не исключено, что на этом сходе присутствовали представители пригородов, в частности города Владимира» [36]. Эти выводы И.Я. Фроянов представил еще в 1980 г. в дискуссии с Л.В. Черепниным, считавшим, что Андрей Юрьевич – ставленник совета суздальских бояр и суздальского городского патрициата, что об «участии вече в посажении Андрея данных нет» [37]. И.Я. Фроянов ответил: «Сошедшиеся на думу («здумавше») ростовцы, суздальцы и владимирцы – разве это не указание на вече?! А вот о «суздальских боярах» в летописи... нет и помину. Она говорит о ростовцах, суздальцах и владимирцах, под которыми надо понимать свободных жителей... Ростова, Суздаля, Владимира и прилегающих к ним сел. Что касается «городского совета»... летопись хранит полное молчание на сей счет» [38]. Выводя из косвенных данных факт общеземельного вече в 1157 г., И.Я. Фроянов отказал в подобной операции, но с иным выводом, Л.В. Черепнину. Затем И.Я. Фроянов, подразумевая вече 1157 г. как установленный факт, рассуждает о 1175 г., когда ростовцы, суздальцы, переяславцы и дружина съехались на вече во Владимир для решения вопроса о преемнике Андрея Боголюбского.

Более правым в споре об интерпретации событий 1157 г. оказывается Л.В. Черепнин: 1) от участия в выборах князя исключаются владимирцы; 2) даже если сообщение Ипатьевской летописи дополняет краткую запись Лаврентьевской летописи, то надо объяснить, где и как

происходило это вечевое собрание всего свободного городского и сельского населения Северо-Восточной Руси в 1157 г. Если следовать И.Я. Фроянову, если признавать, что в событиях 1157 г. участвовали владимирцы, то Владимир как место веча исключается, т.к. «...на этом сходе присутствовали представители пригородов, в частности города Владимира... Но руководящая роль тогда принадлежала Ростову и Суздалью» [39]. Поэтому ростовцы и суздальцы не могли пойти во Владимир. Надо предполагать сложный механизм сбора общеземельного веча: свободное население Владимира с горожанами Ростова (Суздаля) двинулось в Суздаль (Ростов), обрастая массой свободных земледельцев. Даже если вече проходило в один день, то для города, где оно могло состояться, наличие огромной массы людей было бы большой проблемой. Проблемами были бы организация, координирование сроков проведения этого собрания.

Говоря о статусе городов и пригородов, И.Я. Фроянов настаивает, что в 1157 г. четко осознавалась второстепенная роль пригорода Владимира и главенствующая роль Ростова и Суздаля, и это накладывалось на отношения между данными населенными пунктами. Этот вывод зиждется на убеждении, что принятие политических решений было жестко привязано к общинам Ростова и Суздаля. Однако это убеждение было поколеблено исследованиями Л.В. Черепнина, А.Н. Насонова, В.А. Кучкина: определение статуса города к 1157 г. зависело от воли Юрия Долгорукого и частично от интересов его детей. Пока Владимир был частью наследства Юрия Долгорукого, Андрей Боголюбский, правя в нем, делал все, чтобы Владимир-на-Клязьме превзошел Ростов и Суздаль. Наверняка такое положение вещей сохранялось до гибели князя в 1174 г. Ведь именно во Владимир в 1174/1175 г. съехались ростовцы, суздальцы, переяславцы (те же бояре и городской патрициат, хотя бы об этом в источниках ничего не говорится [40]) и дружина, чтобы решить вопрос о следующем князе.

Источником для таких рассуждений стала идея, что «вечевые порядки в Северо-Восточной Руси ничем в принципе не отличались от того, что нам удавалось видеть в других землях Киевской Руси. Не был тут исключением и Новгород» [41]. На самом деле, как представляется из трудов И.Я. Фроянова, его учеников, а еще раньше В.И. Сергеевича, именно Новгород и стал той моделью, под которую ими подгоняются социально-политические процессы в домонгольской Руси. Именно в Новгородской

земле четко были прописаны и нашли отражение в летописях перипетии борьбы и сотрудничества Новгорода с другими городами, которые именовались пригородами. Под этот знаменатель и пытается И.Я. Фроянов однозначно подвести взаимоотношения городов в Северо-Восточной Руси. Не отрицая ценности этого приема, надо отметить, что абсолютизация данного подхода обедняет и упрощает картину прошлого Северо-Восточной Руси в 1130–1150-е гг. С другой стороны, критика, прозвучавшая в этой статье, не является огульной. В источниках, привлекаемых для восстановления политической истории Северо-Восточной Руси в XII – нач. XIII в., встречается целый ряд сведений, которые нельзя истолковать иначе, чем это предлагается в трудах И.Я. Фроянова и его школы.

Обращение к историографическому аспекту проблематики истории городов Северо-Восточной Руси XII в. имеет смысл в свете оживления интереса историков к социально-политической природе городов всей домонгольской Руси⁶. Движение же вперед в этом направлении невозможно без диалектического освоения и где-то преодоления исследовательского багажа ленинградских (петербургских) историков и их оппонентов.

Примечания

1. Позднее этот вывод был повторен [8].
2. «Андрей же оттоле идее от отца своего Суждалю, а отцу же встягавшю его много. Андреи же рече: «на том есмь целовали крест, ако поити ны Суждалю» – и иде в свою волость Володимерию». На эту же цитату из Лаврентьевской летописи об уходе Андрея во Владимир в 1151 г. ссылается Ю.В. Кривошеев, чтобы констатировать: «Суждальская земля в конце 40-х – начале 50-х годов заручается клятвой Юрия Долгорукого и его «дома» на постоянное пребывание здесь князей». См.: Кривошеев Ю.В. Князь, бояре и городская община Северо-Восточной Руси в XII – начале XIII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988. С. 113; Он же. Русь и монголы. СПб., 1999. С. 44; Он же. Гибель Андрея Боголюбского. СПб., 2003. С. 23. Вывод Ю.В. Кривошеева противоречит тому, что писали И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко: «И действительно, на некоторое время в Суздале обосновываются сыновья Юрия, а с 1151 года и он сам. Однако Юрий, стремящийся к «злат киевскому столу» не устраивал местное общество. И как только представляется возможность, на Северо-Восток втайне от отца уходит Андрей».
3. Лаврентьевская летопись. Стб. 346. Более уместно, на наш взгляд, было бы привести сведение Ипатьевской летописи, указывающей, что Андрей Юрьевич ушел из Вышгорода в Суздаль без согласия

отца. См.: Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 478.

4. Н.М. Карамзин ссылаясь на летопись Синодальной библиотеки под номером 349 – см.: Карамзин Н.М. История Государства Российского в 12 т. Т. II–III. М., 1991. С. 338. Прим. 383. У Н.М. Карамзина отсутствуют слова «смеренный и христолюбивый навеликое княжение», помещенные в начале статьи Комиссионного списка между словами «из Киева» «в град Володимирь»; в статье «Богородици животворной», а у Н.М. Карамзина – «Богородици чудотворной»; в статье «церкви камены во имя святыя Богородица, и створи град и нарече имя: се есть место Боголюбимое», у Н.М. Карамзина – «церкви каменны, и створи град камен (см. Киев. Лет. Рукописн. Стр. 517) и нарече ему имя: се есть место Боголюбимое».

5. Против не критического усвоения политических идей средневековой книжности высказывались П.Н. Милюков и А.Е. Пресняков на рубеже XIX–XX вв.

Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1913. С. 177: «...источники эти встретили исследователя со своим готовым взглядом, сложившимся веками; не мудрено, что эта готовая нить... вела исследователя по проторенным путям и складывала для него исторические факты в те же ряды, в какие эти факты уложились в свое время в умах современников; таким образом, исследователь... в сущности... шел на плечах наших философов XV и XVI столетия» (Цит. по: Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. М., 1998. С. 14–15); Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. М., 1998. С. 14–36.

6. О повышении интереса к этой проблематике в последнее время свидетельствует перевод большой работы немецкого исследователя: Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функция и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2004: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 3–163. Впрочем, рассмотренную в нашей статье проблему Ю. Гранберг обходит стороной.

В этом же сборнике см. также: Лукин П.В. О социальном составе новгородского веча XII–XIII вв. по летописным данным // Древнейшие государства Восточной Европы... С. 164–209; Вилкул Т.Л. Конструирование нарратива в параллельных летописных сообщениях о вече // Древнейшие государства Восточной Европы... С. 210–243; Котляр Н.Ф. Князь, бояре и вече в Галицко-Волынской Руси // Древнейшие государства Восточной Европы... С. 244–267; Гимон Т.В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства Восточной Европы... С. 291–332.

Список литературы

1. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 229.
2. Там же. С. 229.

3. Там же. С. 229–230.
4. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 181.
5. Там же. С. 182.
6. Там же. С. 181.
7. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 75.
8. Кучкин В.А. Юрий Долгорукий // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 36–38.
9. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 234.
10. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 230–233; Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. СПб., 1995. С. 580.
11. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. М., 1997. Стб. 335.
12. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 233.
13. Фроянов И.Я. Древняя Русь. С. 586.
14. Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 86; Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков XII–XIV вв. М., 2001. С. 70; Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 606–608.
15. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 86.
16. Кривошеев Ю.В. Князь, бояре и городская община Северо-Восточной Руси... С. 114; Он же. Русь и монголы. С. 45; Он же. Гибель Андрея Боголюбского. С. 24.
17. Фроянов И.Я. Древняя Русь... С. 580, 584–585.
18. Фроянов И.Я. Древняя Русь... С. 585.
19. Насонов А.Н. Предисловие // Новгородская первая летопись / ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 7.
20. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 86.
21. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть... С. 606–607, 608, 610.
22. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 141.
23. Фроянов И.Я. Древняя Русь... С. 586.
24. Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 223.
25. Лаврентьевская летопись. Стб. 346.
26. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть... С. 608–609.
27. Ипатьевская летопись. Стб. 482.
28. Там же. Стб. 521, 544.
29. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 86–87.
30. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 235–236; Фроянов И.Я. Древняя Русь... С. 587–590; Кривошеев Ю.В. Князь, бояре и городская община Северо-Восточной Руси... С. 114–115; Он же. Русь и монголы. С. 45–46; Он же. Гибель Андрея Боголюбского. С. 24–25.

31. Ипатьевская летопись. Стб. 490–491.
32. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 87–88.
33. Насонов А.Н. История русского летописания... С. 121–132.
34. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть... С. 609–610.
35. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 235.
36. Фроянов И.Я. Древняя Русь... С. 587.
37. Черепнин Л.В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII в.// Исторические записки. Т. 89. М., 1972. С. 390.
38. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 177–178.
39. Фроянов И.Я. Древняя Русь... С. 588.
40. Лаврентьевская летопись. Стб. 371, 372; Ипатьевская летопись. Стб. 595.
41. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 180.

**THE POLITICAL STRUCTURES OF THE NORTH-EASTERN RUSSIAN TOWNS
IN THE 12th CENTURY IN THE STUDIES OF HISTORIANS
OF THE ST.-PETERSBURG STATE UNIVERSITY**

A.A. Kuznetsov

The paper criticizes some stereotypes (connected with the perception of political structures and processes in North-Eastern Rus' during the first half of the 12th century) in the works of historians, who belong to the so-called «Froyanov's group». The author demonstrates that it is the authority of princes (kniaz') that really dominated in the political life of the region during this period. The role of urban communities usually increased only in the moments of struggle for power among the feudal elite.